

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ОПАЛЬНЫЙ ПРЕМЬЕР

М. С. Байыр-оол¹

Аннотация: В статье рассматривается трагическая судьба тувинского революционера А. Ш. Баира, принимавшего активное участие в политических событиях в Тувинской Народной Республике в 1930-е годы.

Ключевые слова: история, биография, революционер, правительство, премьер, репрессии, Тока, реабилитация.

PREMIER DISGRACED

M. S. Bayir-ool

Abstract: Article reveals the tragic destiny of Tuvan revolutionary activist A.Sh.Bair who took active role in politics of Peoples' Republic of Tuva in 1930's.

Keywords: history, biography, revolutionary, government, premier, repressions, Toka, rehabilitation.

После VIII съезда Тувинской народной революционной партии (ТНРП) 1929 года советская власть в Туве укреплялась под лозунгом покровительства бедных. Поэтому юноши из семей зажиточных кочевников скрывали свое социальное происхождение и, включаясь в политическую жизнь, выдавали себя за выходцев из бедных аратских семей. Так посту-

¹ Байыр-оол Монгуш Сендажиевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва.

пил один из лидеров новой Тувы Алексей Ширинмеевич Бабир (на самом деле — Ондар Хурен-оолович Байыр). В своей автобиографии от 20 апреля 1964 г. он писал: «Родился 5 мая 1904 г. в местечке Устуу-Ишкин Дзун-Хемчикского района в семье бедного арата Хурен-оола. С 17 лет начал изучать монгольскую грамоту, сейчас знаю русский, монгольский языки»¹. До 28 июля 1978 г. он скрывал свое истинное происхождение. Так поступали и другие из-за страха перед новой непонятной властью.

На самом деле его отец был зажиточным кочевником из рода правителей Хемчика: светского — Монгуша Хайдыпа и духовного — Ондара Чамзы-Камбы. Их предком по отцовской линии был голубоглазый белый славянский парень, которого зажиточные монгуши нашли в Северной тайге Хан-Дээр (на картах — Хантегир) вблизи границы русской империи. В конце охоты они случайно наткнулись на истощавшего, полуживого парня в охотничьей избушке, заблудившегося в таежных дебрях. Привезли в свой аал и выходили с помощью мяса, молока и отвара целебных трав. Со временем он стал своим человеком в аале монгушей и ондаров, вырос, женился на тувинке. От него родился мальчик, которого прозвали Хайнакай, то есть метис. Он жил зажиточно, имел девять сыновей и троих дочерей, все с голубыми глазами. Когда Хайнакай стал пожилым, ему дали прозвище Улуг-Ашак (мужик-великан). Улуг-Ашак является общим предком ишкинского и некоторых других хемчикских родов монгушей и некоторых ондаров (Байыр-оол, 2009).

Один из его потомков Ондар Чамзы-Камбы в числе первых написал прошение «Белому царю» о принятии Урянхая под покровительство Российской империи (28 сентября 1913 г.) В июле 1919 г. он ездил в Омск к верховному правителю Временного правительства адмиралу А. В. Колчаку. Его внук Ондар Хурен-оолович Байыр знал об этом факте, но никогда не афишировал – могли запросто расстрелять без суда и следствия. Поэтому он прикинулся бедняком, стал одним из активных сторонников «левых» сталинистов, возглавляемых С. Тока.

Краткое изложение его политического жизненного пути выглядит следующим образом. В 1923 г. А. Ш. Баир вступил в члены ТНРП, с этого времени начал вести среди аратского населения работу по разъяснению значения партии и ее задач. В 1924 г. был избран секретарем партячейки сумона. В 1925 г. поступил в члены революционного Союза молодежи Тувы. В 1926 г. был организован Дзун-Хемчикский районный комитет ТРСМ и его избрали членом райкома, с этого времени он занимался организационно-пропагандистской работой. Участвовал в создании новых ячеек ревсомола в районе, готовил II съезд ревсомола и был его делегатом, на котором выступил с докладом о работе райкома. На этом съезде был избран членом ЦК ревсомола и членом бюро ЦК ревсомола Тувы.

В 1926-1927 гг. учился в Кызыле в первой партийной школе и окончил ее с отличием. В марте 1927 г. был делегатом первого Съезда профсоюзов Тувы. В том же году избран

первым секретарем Дзун-Хемчикского райкома ревсомола.

Свою автобиографию он написал политическим языком своего времени, точнее с партийно-классовых позиций. Например, представителей прежней власти Урянхая он называет «феодалами-теократами» или «контрреволюционерами». Как пишет А. Баир, «в то время в руководстве партии и правительства, а также в местных органах власти сидели феодально-теократические правые элементы. Приходилось вести беспощадную борьбу с контрреволюционерами, устранять их от работы, привлекали аратскую молодежь в члены ревсомола».

Он вел активную агитационную работу среди молодежи, которая обучалась в монастырях. Очень многие из хуураков тогда ушли из храмов и вступили в ревсомол. Тувинские женщины тогда боялись политики, отказывались от учебы. Однако благодаря дару убеждения Баира, из Дзун-Хемчикского района семь женщин отправились в Кызыл на учебу в партийную школу.

Летом 1929 г. ЦК ТНРП отправил ответственных работников, в том числе А. Баира, в Дзун-Хемчикский и Барун-Хемчикский районы на борьбу с хемчикскими феодалами-контрреволюционерами. В Дзун-Хемчикском районе очистили из партии феодалов, которые пробрались в партию. Тогда А. Баир впервые познакомился с Салчаком Тока и с этого времени началась их совместная революционная деятельность.

Алексей Баир был делегатом VIII съезда ТНРП, который проходил с 20 октября по 10 ноября 1929 г. и яв-

лялся рубежным периодом в политической истории новой Тувы. По указанию Коминтерна съезд провозгласил программу развития ТНР по некапиталистическому пути — к социализму. Правда, архивные документы показывают, что вожаки ЦК ТНРП, в том числе С. Тока, не знали, что это такое на самом деле, но зато хорошо поняли, что надо конфисковать собственность «феодалов», т.е. зажиточных кочевников и крестьян, вести классовую борьбу против прежних правителей и духовенства. Это вызвало второй мятеж на Хемчике и Тере-Холе в начале 30-х годов.

В Дзун-Хемчикском районе А. Баир проводил чистку среди членов ревсомола, из которого исключались дети зажиточных кочевников, бывших правителей Урянхая, шаманов и лам. Работая секретарем Барун-Хемчикского райкома партии, он занимался организацией перевода кочевников на оседлость, конфискацией имущества зажиточных кочевников, вовлечением бедняков в колхозы. При нем в районе были открыты школа и медпункт.

В 1932 г. уже в должности третьего секретаря ЦК ТНРП его направляют в Тере-Хольский район для ликвидации контрреволюционного мятежа. Ему удалось убедить жителей Тес, Эрзина и Качык не принимать участие в противоправных действиях. В том же году он побывал у оленеводов, живущих в отдаленных уголках Тоджинской тайги, которые под влиянием мятежников Кунгуртуга собрались уехать на территорию Внешней Монголии. Благодаря его уговорам многие оленеводы остались жить на земле предков.

Будучи секретарем ЦК ТНРП, в течение семи лет по совместительству работал председателем партийно-контрольной комиссии ЦК ТНРП. В автобиографии он умолчал о своем выступлении на пленуме ЦК ТНРП в 1938 г., где оклеветали руководителей Правительства ТНР во главе с Сатом Чурмит-Дажи. Ю. Л. Аранчын в начале 1990-ых годов так расценил политическое насилие в Туве: «Светлый настрой создателей нового общества омрачается, подавляется как грузом старого, так и беспощадным разгулом диктатора сталинщины, ежовщины и бериевщины, верными исполнителями которых оказались С. Тока, О. Байыр, О. Полат, Н. Товарищтай. Усвоившие в КУТВе сталинские постулаты в качестве формы веры и нормы поведения, тувинские деятели весьма успешно внедряли в сознание аратских масс веру в «вождя народов», и «светлое будущее», успешное приближение которого связывалось с чудовищной силой власти и личности» (Аранчын, 1990).

Так он стал активным участником расправы над своими бывшими коллегами. Именно после кровавой расправы над руководством Правительства ТНР 16 октября 1938 г. Баир Алексей Ширинмеевич становится председателем Совета Министров и министром иностранных дел ТНР вместо расстрелянного Сат Чурмит-Дажы Сана-Шири.

В статусе главы правительства ТНР он неоднократно посещал СССР, встречался с такими известными руководителями как Каганович, Молотов, Микоян, Шверник и другими. В своей автобиографии он писал: «В 1941 г. на имя ЦК КПСС и Советского правительства было подано за-

явление о вхождении Тувы в состав СССР. Заявление подписали 9 человек, членов Политбюро ЦК ТНРП, в том числе есть и моя подпись. Без экономической и политической помощи Советского Союза Тува не смогла бы развивать свою экономику, культуру. Я три раза был в Советском Союзе с официальным визитом по вопросу оказания нам помощи, в результате этих поездок с Тувы были списаны многомиллионные долги, мы получили большой кредит, на эти средства были построены в Туве двух-трехэтажные каменные здания, школы, больницы. О деятельности и политическом положении ЦК ТНРП я три раза докладывал в исполкоме Коминтерна. 22 июня 1941 г., когда фашистская Германия вероломно напала на нашу Великую Родину, в тот же день на митинге трудящихся г. Кызыла я, открывая митинг, призвал трудящихся Тувы работать под лозунгом «Все силы, все средства отдать на защиту Советского Союза». Я сам лично для помощи фронту внес около 10 тыс. рублей». Это очень большие деньги. Их у Байыра быть не могло. Предположительно он собрал их со своих зажиточных родственников.

Алексей Баир поддерживал с Салчаком Тока не только служебные, но и дружеские отношения, они даже встречались семьями. Как вспоминала его жена Е. К. Конгарова, однажды осенью 1929 г. они вместе с Тока и Александрой Алехиной сходили в гости к семье журналиста Б. Ховенмея. Как принято, хозяйева угощали их свежей бараниной (изигхан) и чистым спиртом. Из всех присутствующих только Тока показал свое умение обращаться с «оттуг суг» («огненной водой», т.е. спиртом), которому научился еще в

Москве. После осушения полного граненого стакана неразбавленного спирта, он выпил столько же холодной воды и хорошо закусил жирным бараньим курдюком. Все остальные только пригубили «огненную воду». Молва о дружеских отношениях семей С. Тока и А. Баира дошла до родственников Салчака Калбакхорековича. Поэтому его старшие сестры Албанчы и Кангый, когда приезжали в Кызыл, обязательно заходили в гости к семье А. Баира. Его жена Е. К. Конгарова охотно принимала их. Это продолжалось долго.

С семьей А. Ш. Баира мы жили в одном подъезде многоквартирного дома в начале 1980-х гг. Евгения Константиновна неоднократно рассказывала о печальной судьбе своего мужа автору этих строк.

Ветеран труда К. С. Шойгу описал случай, произошедший между Баиром и Тока в начале 30-х гг. Однажды встал вопрос о персональном деле Тока. На партсобрании аппарата ЦК ТНРП и Правительства ТНР говорилось, что он допускает политические ошибки в своей работе, без согласования с правительством делает то, что не положено. Например, Тока, находясь в Дзун-Хемчикском кожууне, на совещании руководителей дал распоряжение открыть начальные школы и культурные учреждения — библиотеки и клубы. На вопрос о финансировании министр культуры ТНР С. Тока ответил: «Деньги находите сами. Сколько тут у вас баев-богатеев, вот их и обложите большими налогами. Соберете денег. Если этого не хватит, надо будет конфисковать имущество самых богатых и реализовать его, а вырученные деньги направить на нужды культуры и обра-

зования» (Шойгу, 2001). По его совету местные чиновники решили обложить двукратным налогом дворы, где крупного скота было более десяти голов.

В то время указания высшего чиновника понимались как закон. Распоряжение С. Тока начали исполняться в трех кожуунах: Улуг-Хемском, Дзун-Хемчикском и Барун-Хемчикском. Но эта затея хороших результатов не дала. Наоборот, народ начал роптать. Правительству пришлось приложить большие усилия, чтобы исправить эти ошибки. Пришло время разобраться с виновником, был вынесен вопрос о персональном деле члена ТНРП С. Тока. Надо сказать, что в то время работники ЦК партии, правительства, всех министерств входили в одну партийную организацию. Права партсобраний в те времена были огромными: оно могло запросто исключить из партии, а значит, снять с работы любого чиновника, какой бы пост он не занимал.

На таком партсобрании поступило предложение — за ошибки, допущенные С. Тока, снять его с работы, то есть с постов министра культуры и секретаря ЦК партии и по партийной линии объявить строгий выговор. В это-то время взял слово Алексей Баир, секретарь ЦК ТНРП, который выступил в защиту провинившегося: «Я понимаю, что товарищ Тока допустил большие ошибки. Но он ведь заботился о том, чтобы дети аратов учились грамоте. И я считаю, что это не преднамеренный или коварный шаг, поэтому посмотреть на этот вопрос несколько иначе. Может быть, нам стоит подумать о том, чтобы его оставить на работе, но объявить ему строжайшее взыскание». Собрание большин-

ством голосов поддержало предложение Баира, и Тока остался на своих постах. Через некоторое время после партсобрания Тока, встретившись с Баиром, горячо его поблагодарил, обнял и чуть ли не поцеловал: «Я тебя никогда не забуду, Клянусь, что буду самым надежным другом, — сказал он». Такие же слова были написаны на фотографии Тока, подаренной Баиру (там же).

Премьер ГНР Чурмит-Дажы вместе с Тока находились в СССР с 15 сентября до декабря 1937 г. Они из Москвы писали первому зампреду президиума ЦК Баиру о ярких впечатлениях и незабываемых встречах. В ответных посланиях выражались чувства признательности и восхищения, однако все это делалось не без заискивания, подбострастия и пресмыкательства. Для Баира давно было нормой обращаться к Тока словами «дорогой брат», «дорогой мой друг» (Аранчин, 1990).

До сороковых годов XX века С. К. Тока очень хвалили друга, отдавая должное его кристальной честности, отличным нравственным качествам, опыту хозяйственной деятельности, старательности, находчивости и природному уму. Когда возникала необходимость принять какое-то важное решение, Тока прежде всего советовался с ним. Тогда А. Баир по статусу был вторым человеком в Туве после С. К. Тока. О них агитаторы слагали песни. В 1940 г. издана книга «Улуг улус көөр үжүк» («Букварь для взрослых»), где опубликованы песни о них. Вот текст одной из них:

Дарга² Байыр

Страна моя добрая, таежная,
Где растут хлеба, и пасется много скота.
Боевитый дарга Байыр,
Возглавляющий правительство ТАР.

Страна моя родная с многоводными потоками,
Где тучными стадами пасется наш скот.
Прославленный дарга Байыр,
Возглавляющий аратство — народ наш.

Высокоглавые мои таежные хребты,
Где богатства и золото мы добываем.
Героический дарга Байыр,
Возглавляющий правительство скотоводов.

Страна моя Тува с орнаментом золотым,
Где реки с рукавами и протоками текут.
Прославленный дарга Байыр,
Возглавляющий аратское правительство.

(Подстрочный перевод поэта Э. Мижита).

Однако времена меняются, а вместе с ними меняются и многие люди. В начале 40-х годов у С. К. Тока начали проявляться качества авторитарной личности. Сильная оппозиция была ликвидирована. В новой Конституции Тувы была провозглашена особая роль Тувинской партии.

В отличие от своих коллег по партии, Алексей Баир оставался порядочным сыном кочевника, без политического и нравственного двуличья. Как председатель партийно-контрольной комиссии ЦК ТНРП он настойчиво боролся против пьянства, нарушения государственной дисциплины. По свидетельству его личного водителя О. К. Лама, С. Тока

же не только любил выпить, но столь же страстно увлекался женщинами (Лама, 2001). Эту версию подтверждал сотрудник госбезопасности Тувинской АССР А. С. Борбак-оол. Автору этих строк он рассказал о том, что органы госбезопасности СССР, начиная с 1945 г. по 1956 г., наблюдали за С. К. Тока, когда он приезжал в Москву. В толстом досье было зафиксировано, когда именно он приезжал (прилетал) в Москву, в какой гостинице останавливался; какую женщину пригласил, что пили, о чем разговаривали и т.д. По указанию тех же органов полковник А. С. Борбак-оол сжег второй экземпляр этого досье в 1956 г. Отсюда можно сделать вывод о том, что сам лидер коммунистов Тувы С. К. Тока свыше десяти лет находился под наблюдением органов госбезопасности СССР. Однако в его поведении они не видели признаков политической неблагонадежности. И в чрезмерном увлечении прекрасным полом, бывшем среди политической элиты тех лет едва ли не повальным, ничего противоречащего моральному облику коммуниста в Москве не находили.

И только А. Баир попытался воспитывать тувинского правителя. Когда он сделал Тока дружеское замечание по поводу его личного поведения, приятель остался недовольным. Тогда Баир обратился к нему уже как председатель партийно-контрольной комиссии ЦК партии: не гоже генеральному секретарю ЦК ТНРП сильно увлекаться пьянством и женщинами, после этого их дружеские связи прекратились. С. Тока начал предвзято относиться к своему бывшему приятелю, более того — вместе с министром внут-

ренных дел Н. Товарищтаем начал собирать компромат на него, в том числе ложные доносы. В итоге А. Баир в мае 1940 г. был снят с поста Председателя Совета Министров и министра иностранных дел ТНР и направлен на учебу в Московский институт востоковедения.

Прямолинейный Алексей Баир во время учебы всегда интересовался положением дел в своей стране и деятельностью С. Тока. И не только интересовался. В письме на имя И. Сталина он написал о фактах неудовлетворительного состояния животноводства в Туве, указал на ряд недостатков, связанных с халатностью руководства:

«1. В тожземе Сарыг-Булун Эрзинского района во время сенокосной кампании 1942 г. около 200 человек только за два месяца зарезали 120 голов крупного и мелкого скота. В 1943 г. тот же тожзем за 8 дней зарезал 8 голов скота. Я это видел сам во время командировки.

2. Летом 1943 г. на прииск Нарын пригнали 500 голов мелкого и 56 голов крупного рогатого скота. За несколько дней ничего не осталось от них. За один день резали до ста голов и при этом нежирное мясо выбрасывалось на свалку. Такие же факты были и в других тожземах» (РФ ТИГИ. Т.З. Д. 1993. С. 168-192). Объективности ради стоит отметить, что бывший премьер почему-то ни словом не обмолвился об огромной помощи, которую оказывала Тува СССР в годы войны. Он хорошо знал, что ежегодно летом тувинцы перегоняли сотни тысяч голов скота через Саяны в г.Абакан для поддержки продовольствием воинов Красной Армии в борьбе против фашистских захватчиков.

О многом говорящий факт: за все последующие годы А. Баиру так и не удалось встретиться с Тока с глазу на глаз, хотя он не раз пытался попасть на прием. Ведь именно ему Тока был обязан своей политической судьбой. Наши предки о таких случаях оставили мудрые слова: «Кешкенде хеме херек чок, көшкенде теве херек чок» («Когда переплыл речку, лодка не нужна, когда перекочевал — верблюд не нужен»).

Вот что писал А. Баир в автобиографии: «Осенью 1943 года, когда закончился мой срок командировки из района, приехал в Кызыл и на другой день просил Тока о встрече с целью поговорить с ним по вышеуказанным недостаткам, но он не принял меня, сказал, что занят. Так я не успел с ним поговорить. По приезде в Москву я доложил обо всех недостатках и ошибках в Туве полпреду ТНР в Москве Мандараа, являвшемся еще секретарем ЦК ТНРП и просил его, чтобы он поговорил с ЦК ТНРП по этому вопросу.

Потом в общих чертах сказал некоторым студентам Московского института востоковедения: Бюрюне, Седипу, Самбу и другим, поскольку они сами интересовались как студенты, посланные от ЦК ТНРП и долго находившиеся в Советском Союзе, хотели знать как работают во время... в их стране. Но некоторые из них использовали в свою пользу то, что я сказал им по их же желанию и написали об этом в Кызыл на имя Тока, мотивируя, что я критикую его по таким-то вопросам. Они совершенно искажали и извращали смысл моих слов. Например, что в разговорах с некоторыми студентами Баир говорит, что нашим государст-

вом руководят муж с женой (Анчима в то время возглавляла Президиум Малого Хурала ТНР), что в корне недопустимо. Когда он ездил в Туву, то там население об этом говорит, что очень неудобно. Из этих заявлений потом составили ту ужасную клевету на меня о том, что будто я проводил контрреволюционную агитацию среди студентов в Москве в 1941-1944 гг.

В июне 1944 г., когда в Москву прибыл сам Тока, я также просил его с ним поговорить, но он на этот раз также отказался принять, сказав, что также, что занят».

В сентябре 1944 г. А. Баир поставил вопрос в Политбюро ЦК ТНРП о существенных недостатках и некоторых ошибках в работе ЦК, чем, по сути, окончательно определил свою судьбу.

После окончания учебы его не приняли из членов ТНРП в ВКП(б), отправили работать на периферию в Арыг-Узю, потом перевели на службу в совхозтрест инструктором, а затем — в областное управление охотничьего хозяйства на должность инспектора, а спустя год лишили и ее. Так, бывший премьер-министр ТНР, отец троих детей, оказался безработным, попросту остался без средств к существованию. Бывшие друзья и товарищи, прекрасно понимая откуда дует ветер, сторонились опального премьера. Хуже того, некоторые из них поспешили с доносами в обком партии и органы госбезопасности.

О том, как посадили А. Баира, десять лет назад хорошо описала помощник прокурора РТ О. Бузыкаева. В пору всеобщей подозрительности и громких судебных процес-

сов над «врагами народа» всегда находились сверхбдительные стражи правопорядка, в народе попросту именуемые стукачами. Вот опус одного из них, положенный в основу обвинительного заключения:

«...Говоря со злобой о Тока, Баир заявил, что Тока снял его с ответственной работы и за это он им недоволен. Баир заявил, что Тока, руководя в прошлом Тувинской республикой и руководя Тувой в данное время, допускает политические ошибки. Во-первых, он хотел давно создать колхозы, но из этого ничего не вышло. Коллективизация у него провалилась (имелось в виду начало тридцатых годов. — О.Б.), оставив аратов без хлеба и скота, пришлось колхозы распустить, а большинство их развалились сами. Другая ошибка и самая серьезная допущена Токой в связи с «присоединением» Тувы к Советскому Союзу. До «присоединения» тувинского народа к СССР араты жили очень хорошо, им принадлежали все степи и пастбища, на которых паслось много скота, араты были богаты. А сейчас, когда «присоединил» нас к русским, у тувинцев ничего не осталось, степи наши беднеют, скота становится все меньше и меньше. Раньше, продолжал Баир, у тувинцев было много товаров и хлеба, сколько угодно мяса, тувинцы жили и все имели. А теперь... исчезли товары и продукты, уничтожается скот, все больше беднеет тувинский народ и дальше он будет жить хуже и хуже, будет голодать. Продолжая в таком же духе, Баир говорил, что Тока — трус: видя, что тувинский народ голодает, он боится в Москве сказать правду и докладывает, что тувинцам жить хорошо, все довольны «при-

соединением» к русским, а в самом деле тувинский народ недоволен политикой Тока» (Бузыкова, 2000).

В таком же духе выдержаны и другие доносы, положенные в основу обвинения А. Ш. Баира по статье 58 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность). Единственным существенным дополнением в них можно лишь считать утверждение А. Баира о том, что «во всех учреждениях заставляют говорить и работать только на русском языке. Поэтому всех тувинцев с работы снимают, так как им работать на русском языке трудно. В Кызыле на всех руководящих постах сидят русские...» (там же).

Арестовав А. Баира, следователь Управления министерства государственной безопасности по Туве предъявил ему заранее заготовленное шаблонное обвинение в том, что среди окружающих лиц он якобы проводил антисоветскую агитацию, чтобы вызвать недовольство Советской властью со стороны населения Тувы, возбуждал национальную вражду между тувинским и русским населением.

Естественно, Алексей Баир отрицал свою вину в антисоветской агитации. Тогда палачи начали применять изощренные методы пыток, изнурительные ночные допросы, подолгу держали у раскаленной докрасна железной печки... Он был вынужден говорить то, что от него требовал следователь. Позднее, в ходе дополнительного расследования по инициативе генеральной прокуратуры РСФСР, свидетели по делу А. Баира отказались от своих прежних показаний, мотивируя это тем, что они были выбиты у них под давле-

нием следователей Управления министерства государственной безопасности.

В ходе рассмотрения дела судом А. Баир отказался от своих прежних показаний, полностью отрицал свою вину, однако судьи не приняли во внимание это обстоятельство, предпочтя ему так гладко выстроенное обвинительное заключение следователя. Приговором Тувинского облсуда от 12-13 июля 1948 г. Алексей Ширинмеевич Баир был осужден по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР к лишению свободы сроком на десять лет с последующим поражением в гражданских правах на пять лет. Высшая судебная инстанция РСФСР приговор облсуда оставила в силе.

Так, бывший премьер-министр, кавалер Ордена республики, главной правительственной награды ТНР, выпускник Московского института востоковедения, опытный государственный муж и глава большого семейства оказался в тюрьме формально по решению суда, а на самом деле из-за тайной мести своего бывшего патрона.

Скорбный путь осужденного Баира пролегал через Минусинскую тюрьму, Черногорский спецлагерь, Ангарлагерь МВД СССР. Как могла его морально поддерживала верная жена Евгения Константиновна Конгарова. Автору этих строк в начале 80-х годов она со слезами на глазах рассказывала о том, как власти Тувы преследовали ее семью после того, как незаконно посадили ее мужа в тюрьму. Только этот факт доказывает, что А. Ш. Баира на самом деле осудили не за уголовное преступление. Это была политическая месть за справедливую критику.

По освобождению из ГУЛАГа через шесть лет А. Баир вернулся в Туву и долго не мог найти работу. Его как прокаженного сторонились даже старые друзья. Роковой шлейф тянулся за ним и в новое время, когда была пущена на слом машина массовых политических репрессий. И тогда бывший премьер и бывший заключенный в феврале 1956 г. обратился с письмом к самому первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. Были в нем такие слова: «Из заключения я был освобожден в июле 1954 года досрочно за хорошую работу. Теперь все мои попытки добиться реабилитации оказываются безуспешными... Уважаемый Никита Сергеевич, еще раз хочу заверить Вас, что я никогда не совершал никаких преступлений. Очень прошу Вас ознакомиться со всеми документами и помочь мне выйти из заколдованного бюрократического круга. Я хочу стать полноправным гражданином и получить работу, которую мне здесь не дают»³.

Письмо ли это дошло до адресата или помог какой-то другой случай, но только ржавая бюрократическая машина на сей раз сработала: постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 7 сентября 1956 года А. Ш. Баир был реабилитирован. Справедливость, казалось бы, восторжествовала. Но должной работы, соответствующей его опыту и знаниям, Алексей Ширинмеевич все же не получил, пробавлялся рядовыми должностями.

Досталось и детям А. Баира. Ярлык «дети контры» преследовал их всю жизнь, некоторые так и не получили образования.

Печальная судьба бывшего председателя Совета Министров и министра иностранных дел ТНР А. Ш. Баира лишней раз подтвердил известный тезис о том, что в политике не бывает друзей, а есть только корыстные интересы обеих сторон. Когда интересы расходятся, то «дружба» исчезает как призрак. Сын кочевника верил в декларируемые идеологические догмы партийной власти о справедливости и жестоко поплатился. Баир Александр Ширинмеевич умер 8 февраля 1986 г. с глубокой обидой в душе на жестокость партийной номенклатуры, которая отвергла его при жизни и которая потом так и не вспомнила о нем...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Аранчин, Ю. Л. (1990) Долгий путь к правде // Тувинская правда (газета). № 49. 21 февраля.
Байыр-оол, М. С. (2009) Дээрден чүгүрген сылдыс дег (Как промелькнувшая звезда). Кызыл.
Бузыкаева, О. А. (2000) Ошельмованный премьер // Тувинская правда (газета). №117. 31 октября.
Лама, О. К. (1991) Ондар Ширинмей оглу Баир // Деткимче (газета). Октябрь.
Шойгу, К. С. (2001) Перо черного грифа. Кызыл.

¹ Рукопись автобиографии А. Ш. Баира, датированная 20 апреля 1964 г., хранится в личном архиве автора данной статьи.

² Дарга — начальник.

³ Цитата из рукописи автобиографии А. Ш. Баира.